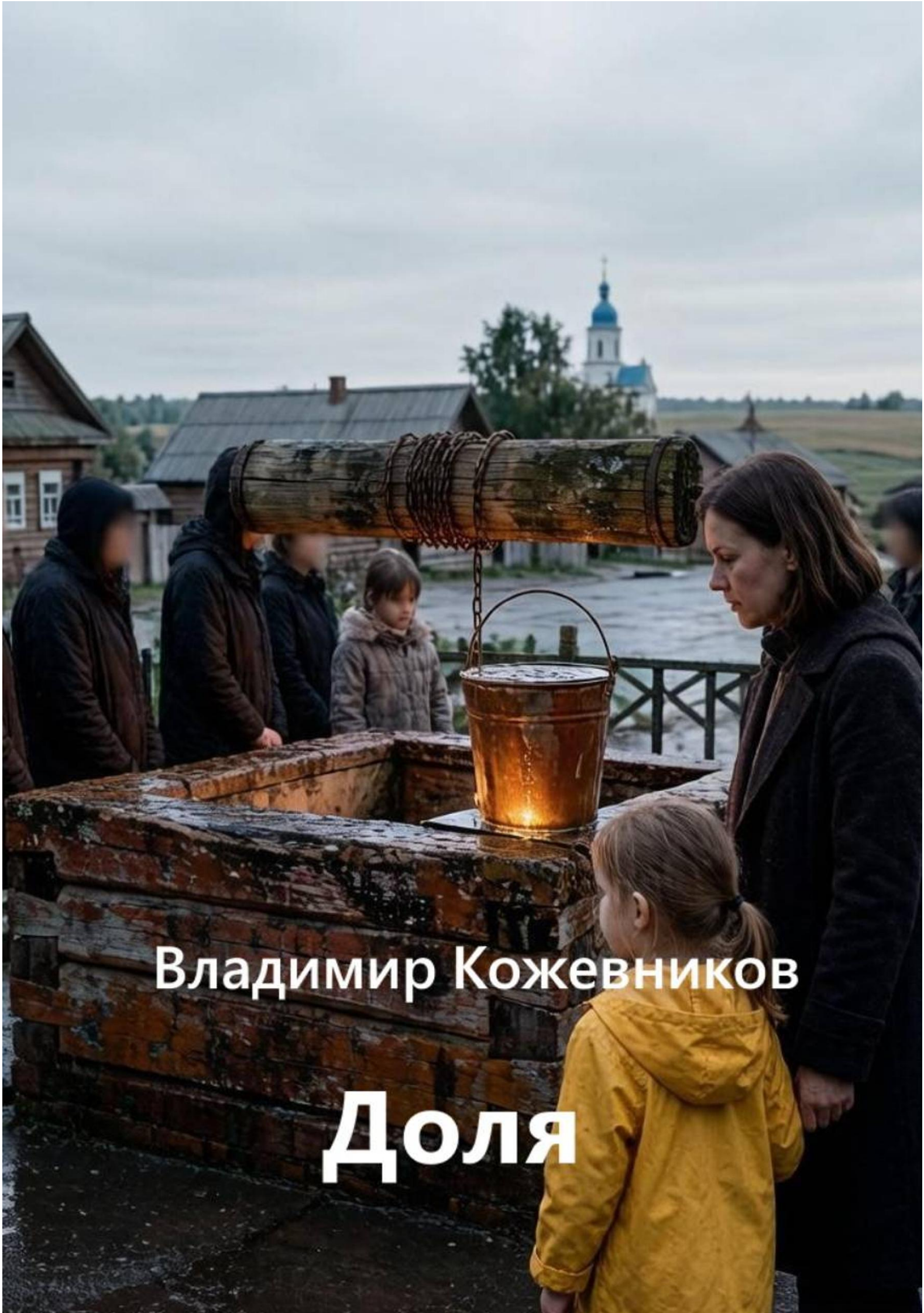

Владимир Кожевников
Доля

Владимир Кожевников

Доля

«Автор»
2026

Кожевников В. В.

Доля / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

В провинциальной Сосновке на месте сгоревшей церкви найден Колодец Долей: если двое опустят руки в воду и назовут одну долю — болезнь, страх, вину, одиночество, — она перейдёт от одного к другому. Город быстро привыкает к очереди, операторам и «Центру согласия», где страдание можно передать, как долг. Психиатр Вера Соболева возвращается в родной город с больной дочерью и против воли оказывается в центре чужой и собственной сделки. Расследуя самоубийства доноров, она понимает, что Колодец не исцеляет, а меняет человека, и что цена обмена может оказаться страшнее страдания. Ей предстоит выбрать между спасением Тани и отказом от городской машины милосердия.

© Кожевников В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Доноры 5
Глава 2. Сосуды 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Владимир Кожевников
Доля

Глава 1. Доноры

Сосновка пахла мокрой золой. Автобус выполз на привокзальную площадь, и Вера узнала этот запах раньше, чем увидела город: будто за домами всю ночь жгли сырые листья, а утром сверху посыпали мокрым асфальтом. Она вышла последней, с чемоданом на колёсиках и сумкой, в которой лежали Танины анализы, перетянутые аптечной резинкой. В боковом кармане, отдельно, в прозрачном файле, лежала ксерокопия, снятая с бумаги, найденной в материнском серванте: «Согласование от 1998 г.», подпись матери, смазанная формулировка доли. Вера не знала, зачем взяла её с собой. Но взяла.

Таня шла рядом, бледная, в жёлтом дождевике, и смотрела не на город, а на лужу, где плавала сигаретная пачка.

— Мам, тут вода как чай.

— Это лужа.

— Всё равно.

Вера не стала спорить. Она смотрела на очередь. Очередь тянулась от автовокзала к бывшей площади, где раньше стояла сгоревшая церковь, а теперь — ограда из серого профлиста, синий вагончик с надписью: «Центр согласия» и люди. Они стояли молча, плотно, как на приём к нотариусу. У кого-то в руках была папка с документами. У кого-то — термос. У одной женщины — ребёнок на руках, завёрнутый в одеяло, хотя было не холодно.

— Это к Колодцу, — сказала женщина с сумкой, когда Вера спросила дорогу. — Вы не местная?

— Местная. Просто давно не была.

Она действительно давно не была. Мать умерла в феврале, а Вера приехала только теперь, в октябре, когда пришлось решать вопрос с отцом. Пётр Иванович жил в пансионате на окраине, с диагнозом «деменция», и в его палате пахло мочой и сладким компотом. Вера была психиатром. Она знала, как пахнет распад. Но здесь, на площади, пахло не распадом, а очередью: мокрой шерстью, дешёвым табаком, чьим-то валидолом.

Таня остановилась у ограды. За профлистом был старый колодец, обложенный кирпичом, с воротом и деревянной крышкой. Вокруг ходили люди в синих жилетах — операторы. Один из них, молодой, с бейджем «Алексей», объяснял старухе:

— Вы называете долю точно. Не «болезнь», а «страх болезни». Не «долг», а «долг перед сыном». Если назовёте неточно — Колодец заберёт ближайшее. Понимаете?

— А если я не хочу? — спросила старуха.

— Тогда не подходите.

Таня потянула Веру за рукав:

— А если я не хочу, мне тоже нельзя?

— Тебе не нужно, — сказала Вера.

— А если нужно?

Вера не ответила. Она отвела дочь от ограды, и Таня шла, оглядываясь, пока очередь не закрыла колодец.

В психиатрическом диспансере было светло и гулко. Вера пришла туда не как пациентка, а как врач — показать выписки Тани, договориться об обследовании. Главврач, полный мужчина с усами, обрадовался ей как родной.

— Соболева! Ты вовремя. У нас тут новый синдром. Пациенты говорят, что помнят чужие сны. Чужие боли. Чужой страх. Мы называем это психосоматикой, а они — «синдромом чужого сердца».

— А вы?

— А мы ставим «тревожное расстройство» и выписываем феназепам.

В коридоре сидела женщина лет сорока. Она держала руки на груди и раскачивалась.

— Я помню лифт, — сказала она Вере. — Я не боюсь лифтов. Я помню, как кто-то другой боится. Как будто во мне второе сердце. Оно стучит не мной.

Вера записала: «Маргарита К., 42 года, жалобы на „чужое сердце“. Дифференцировать с диссоциативным расстройством». Но внизу приписала: «Проверить связь с Центром согласия».

Потому что три самоубийцы за последний месяц были клиентами Центра. Все трое оставили записки. Все трое написали одно и то же: «Я пуст». Григорьев, 56 лет, сантехник. Соловьёва, 33 года, продавщица. Ким, 27 лет, программист. Никто из них не был пациентом Веры. Но Вера видела их фотографии в местной газете, и у всех троих были одинаковые глаза — не грустные, а пустые, как вымытые окна.

На похоронах Соловьёвой Вера познакомилась с Ильёй Ковалёвым. Он стоял у свежего креста в чёрной рясе, с сухим лицом и руками хирурга. Говорили, что он бывший врач, ушёл в священники после смерти жены. Говорили, что он отпевает самоубийц, хотя церковь не разрешает. Говорили, что он не освящает Колодец, но и не проклинает его.

Вера стояла в задних рядах и видела, как он служит. Он говорил слова, но между словами останавливался — на полсекунды, не больше, — будто ждал, что кто-то подскажет следующее. Никто не подсказывал. Он находил слово сам и шёл дальше. Один раз он поднял руку, чтобы перекреститься, и посмотрел на свою руку так, будто забыл, зачем она поднята. Потом всё-таки перекрестился.

После похорон они остались у ограды. Пахло ладаном, мокрой землёй и мокрой золой — тремя запахами, которые в Сосновке смешивались в один. Илья вытер руки платком, хотя руки были сухие.

— Вы врач? — спросил он.

— Психиатр.

— Тогда скажите: люди сходят с ума?

— Люди всегда сходят с ума. Вопрос — от чего.

Илья посмотрел на ограду, за которой блестела вода.

— Колодец — это не чудо. Это обмен. Люди хотят не прощения, а обмена.

— Или внушаемость, — сказала Вера. — Коллективная.

— Внушаемость не оставляет записок «Я пуст».

Он сказал это тихо, без нажима, и Вера впервые за долгое время почувствовала, что кто-то говорит с ней не как с пациенткой и не как с матерью больного ребёнка, а как с человеком, который тоже чего-то боится.

Таня попала в больницу через два дня. Анализы были плохие. Вера сидела у койки и смотрела, как дочь рисует. На листе был Колодец — круглый рот, из которого тянулись тени. Люди стояли вокруг и держали тени за руки. Рядом Таня нарисовала маленькую девочку с катетером и подписала печатными буквами: «Я».

— Это кто? — спросила Вера.

— Это те, кто отдал, — сказала Таня и показала на людей. — У них за спиной пусто.

— А это? — Вера коснулась девочки.

— Это я. У меня за спиной пока ещё есть тень.

Вера хотела сказать, что тень — это просто рисунок. Но Таня уже отвернулась к окну, где за стеклом шёл дождь, и Вера увидела, как дочь сжимает край одеяла — так дети держатся за что-то, когда взрослые говорят слишком много. Потом Таня сказала, не оборачиваясь:

— Я не хочу, чтобы ты плакала из-за меня.

— Я не плачу.

— Плачешь. Только не глазами.

Люба, сестра Веры, пришла вечером. Она была в хорошем пальто, с хорошей сумкой и с лицом, будто вымытым до блеска. Она принесла Тане шоколадку и положила её на тумбочку, не спросив, можно ли. Потом села на стул и сказала:

— Ты должна воспользоваться Колодцем. Все так делают.

— Я не хочу быть как все.

— Ты хочешь быть лучше всех, — сказала Люба без злобы, скорее с усталостью. — Я тебя понимаю. Я тоже так думала.

— И что?

Люба посмотрела на шоколадку, будто только сейчас заметила, что принесла её.

— И ничего, — сказала она. — Ты просто потом перестаёшь понимать, зачем принесла шоколадку.

Вера вышла в коридор. Там её ждал Антон Гринёв, директор «Центра согласия». Он был в сером костюме, с мягкой улыбкой и папкой. В больнице он оказался потому, что «Центр» оплачивал две палаты в детском отделении — благотворительность, о которой висела табличка у входа.

— Вера Андреевна, — сказал он. — Я знаю про Таню. Я могу найти донора. Но мне нужно, чтобы вы публично подтвердили безопасность обменов. Вы же врач. Вам поверят.

— А если я откажусь?

Антон вздохнул. Не театрально, а так, как вздыхают люди, которым объясняют очевидное в сотый раз.

— Вы думаете, я не хотел бы, чтобы этого не было? — сказал он. — Я каждый день вижу очередь. Я не могу её остановить. Я могу только сделать так, чтобы люди не калечили друг друга по незнанию. Вы мне поможете или будете стоять в стороне и называть это этикой?

Вера посмотрела на него и подумала: он не злодей. Он просто человек, который верит в распределение боли, как другие верят в Бога.

— Я подумаю, — сказала она.

Антон кивнул и ушёл. За окном шёл дождь, и очередь у Колодца не рассасывалась. Вера смотрела на людей и думала не о любви и не о цене, а о том, что завтра ей придётся сказать дочери правду — или научиться лгать так же спокойно, как этот город.

Утром она достала из сумки прозрачный файл. «Согласование от 1998 г.», подпись матери, смазанная формулировка доли. Вера долго смотрела на смазанную строку, потом надела пальто и поехала в пансионат.

Старуха из очереди стояла у автобусной остановки с внуком. Она узнала Веру и кивнула ей, как своей. Вера кивнула в ответ. Она не спросила, передумала ли старуха. Старуха не спросила, зачем Вера приехала. Обе знали, что ответ всё равно будет про Колодец.

Глава 2. Сосуды

Утром Таня спала, отвернувшись к стене, и её запястье с катетером лежало поверх одеяла, как чужая вещь. Вера сидела у окна и читала распечатки. За окном дворник скрёб асфальт лопатой, хотя листьев уже не было — только мокрая грязь и окурки, прилипшие к бордюру. Звук был ровный, скребущий, и Вера поймала себя на том, что считает движения лопаты, как считают шаги в длинном коридоре.

Три самоубийцы. Григорьев, 56 лет, сантехник. Соловьёва, 33 года, продавщица. Ким, 27 лет, программист. Все трое были клиентами «Центра согласия». У всех были договоры, заверенные нотариусом, с одинаковой формулировкой: «добровольная передача доли». Все трое оставили записки: «Я пуст».

В диспансере главврач сказал, что Григорьев жаловался на «чужую усталость», Соловьёва — на «чужой страх», Ким — на «чужую вину». Все трое были донорами, то есть отдали свою долю. После обмена Григорьев перестал узнавать жену. Соловьёва не могла плакать на дне рождения сына. Ким потерял вкус к еде и говорил, что «всё как пластмасса».

Вера сложила распечатки в папку и позвонила в «Центр согласия». Женский голос на том конце сказал: «Приходите, мы работаем до шести». За его спиной было слышно, как кто-то повторяет: «Доля — это не приговор, доля — это выбор». Голос был механический, записанный.

Центр находился в бывшем Доме культуры, с колоннами и облупленной лепниной. На фасаде ещё читались старые буквы — «КУЛЬТ» и обломок «РА» — а поверх висела растяжка: «Отдай долг — получи свободу». В фойе пахло хлоркой и жжёным сахаром, как в школьной столовой перед большой переменой. Очередь стояла не только на улице, но и внутри: люди с папками, люди с термосами, люди с детьми. Операторы в синих жилетах проверяли документы. У одной женщины был договор на «одиночество», у мужчины — на «долг перед братом», у старухи — на «страх умереть в больнице». Старуха держала договор обеими руками, как держат икону, и Вера подумала, что, может быть, она и держит икону — просто бумажную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.